

Посвящается Мэтту и Сьюзан

...Когда она наиболее тесно сочетается с красотой...
Итак, смерть красивой женщины, несомненно,
есть самый поэтический замысел, какой только существует в мире.

Эдгар Алан По

Глава 1

Мир полон пропавших девушек. Их великое множество. Это девушки, которые растворяются в ночи, которые вкалывают себе героин и исчезают с лица земли, которые влюбляются в других девушек, а потом, вернувшись домой, обнаруживают, что родители сменили замки. Девушки, которые убегают сами, девушки, которых похищают. Грешные девушки, чей интерес к противоположному полу сильнее любви к Иисусу. Девушки, которых запирают в подвалах и держат там, пока они не произведут на свет очередных девушек. Их обций вес мог бы пустить ко дну корабли целого флота. Мне все про них известно. Знать эти вещи — моя работа.

Запись льется из динамиков в переполненном зале театра в Мидтауне. Свет на время выключен, а над сценой парит логотип в виде радиомикрофона в стиле ретро, освещенный фиолетовыми неоновыми лучами. Словно распятие в церкви.

Одних девушек ищут. Иногда за дело берется полиция, иногда проводятся бдения при свечах, добровольцы открывают горячие линии, на местных новостях появляются убитые горем родители, умоляющие о помощи. Других никто даже не пытается

разыскать. Если они вели себя неподобающим образом и имели подпорченную репутацию, родились в неподходящем месте или в неподходящей семье, им позволяют просто исчезнуть. Бывает и так, что никто даже не знает о том, что девушка пропала. Потому что до нее изначально никому не было дела. В этом смысле моей сестре повезло: ее любили. Ее искали. И не думаю, что когда-нибудь я перестану ее искать.

Я стою у барной стойки слева от зрителей и чувствую, как ко мне приближается мужчина. Мне даже не нужно смотреть в его сторону, я просто это чувствую, словно статическое электричество на волосках на руке. Подобное шестое чувство формируется у тех, чья жизнь похожа на мою. Такой у меня дар. По этому поводу друзья в колледже подшучивали надо мной, говорили, что я обладаю какими-то экстра-сенсорными способностями. Конечно, это неправда. Просто я очень внимательна.

По моим подсчетам моя сестра была шестнадцатой пропавшей девушкой за всю столетнюю историю Сатклифф-Хайтс, штат Иллинойс, и одной из двух похищенных — хотя другой была шестилетняя девочка, которую отец увез в Висконсин в ходе судебного процесса об опеке в тысяча девятьсот семьдесят третьем году. Спустя два дня та девочка вернулась живой и здоровой, как только полиция объявила ее в розыск. Остальные в основном сбежали из дома сами. Девушки, работавшие на крупных фабриках в Чикаго в начале сороковых. Сообразительные подrostки, которых в шестидесятые сманили на запад калифорнийскими обещаниями. С Мэгги все было совсем не так.

Он заказывает выпить, «Саузен Комфорт» с колой, и напиток липнет ко льду в бокале, будто сироп. Я и не глядя знаю, кто он. Если бы он заказал индийский светлый эль, то оказался бы одним из молодых продюсеров в твидовом пиджаке с энциклопедическим знанием аудиооборудования. Если виски — значит, бойкий журналист, занимающийся расследованиями. Наверняка его голос хорошо звучит на радио, и вещать ему удастся чуть лучше, чем писать. Но «Саузен Комфорт» с колой? Да это инвестор, один из тех типов, которые финансируют продюсерские компании, потому что вычитали где-то, что подкасты начинают приносить немалую прибыль, а на то, чтобы заниматься техникой, им не хватает мозгов.

Мэгги пропала шестнадцатого октября тысяча девятьсот девяносто восьмого года. Она села в машину с каким-то мужчиной. Возможно, это был ее знакомый. Возможно, она чем-то привлекла его внимание, когда в тот день возвращалась домой. Этого мы не знаем. Не знаем даже, что это была за машина — то ли синий, то ли серый, то ли серебристый седан. В сумерках трудно было разглядеть, особенно восьми-летнему ребенку. Особенно испуганному. Я бросилась бежать, как только Мэгги отпустила мою руку. Она осталась на месте, а я помчалась домой. Я убежала, потому что она мне так велела. Это было последнее, что сказала мне сестра.

Звук стихает, зал взрывается аплодисментами, а на экране появляются слова: «НЕИЗВЕСТНАЯ», номинант в категории «Лучший многосерийный дебют». Сверху курсивом тонкими золотистыми буквами написано: «Ежегодная церемония вручения наград

АПА». Выглядело бы утонченно, если бы пол возле бара до сих пор не был липким после состоявшегося вчера в этом зале рок-концерта.

— Вот этот и победит, — говорит мужчина рядом со мной, потягивая напиток через крошечную соломинку.

На нем пиджак поверх футболки с V-образным вырезом. Волосы, подстриженные в стиле «фейд» и приглаженные дорогой помадой, слишком ярко блестят в отсветах софитов. Слегка выпирающий живот нависает над пряжкой пояса. Видимо, спортзалу не под силу одолеть все эти сахаросодержащие напитки.

— Откуда такая уверенность? — спрашиваю я, а его рука тем временем скользит по барной стойке и почти касается моего локтя. Кажется, он не собирается в ближайшее время возвращаться на место.

Чертово платье — вот в чем проблема. Это платье моей подруги и соавтора Андреа, она убедила меня надеть его, утверждая, что *кто-то* должен и дальше получать удовольствие от одежды, которую она носила до беременности. А я согласилась, даже не подумав о том, что и без каблуков на три дюйма выше ее, а сегодня я на каблуках. Платье короткое и как будто заявляет о каких-то намерениях, словно я героиня судебного сериала девяностых, пытающаяся сделать громкое заявление на тему моды и феминизма. Я решила как можно больше стоять во время этого нескончаемого мероприятия, а значит, мне приходится ошиваться около бара и заказывать напитки с невероятной даже для меня скоростью. При этом я, судя по всему, выгляжу так, будто весь вечер ждала, когда мужчина, у которого волосы на груди торчат сквозь футболку из натурального хлопка, начнет оказывать мне знаки внимания.

— Все любят истории о мертвых девушках, — говорит он. — Люди просто обожают подобную муть.

— Пропавших. О пропавших девушках, — уточняю я, и мой собеседник, слизывая капли коктейля между большим и указательным пальцами, издает на удивление высокий смешок.

— Да она точно мертва! Быть не может, чтобы выжила. — Он делает большой глоток. — Отстой... Шоу, которое продюсирует моя компания, намного лучше.

— Да ну? Это какое же? — без всякого выражения спрашиваю я, потягивая сухой мартини.

Вот она я, девушка в коротком платье, с коротко стриженными волосами, играю отведенную мне роль, как и все остальные. Ношу растушеванные тени. Пью терпкие напитки. Крутая и хитрая, как суперзвезда с картины Уорхола.

— «Шоу Чака Хоффмана», — отвечает он.

Слышала про такое. Чак Хоффман пытается подражать Бену Шапиро, но, скорее, попадает в одну категорию с Алексом Джонсом*.

— Это награда за лучший дебют, — говорю я. — Уверена, ваше шоу в другой категории.

— Ну и ладно, — говорит он. — Оно все равно лучше. Никаких мертвых девушек.

— Может, вы, ребята, просто недостаточно стараетесь, — отвечаю я, и он снова начинает пьяно хихикать.

— Мило, — говорит он, как будто приятно удивлен моим остроумием. Кончиком пальца он, словно

* Бен Шапиро — американский консервативный радиоведущий и политический комментатор; Алекс Джонс — американский радиоведущий, пропагандирующий теории заговоров. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

экспериментируя, проводит по моей руке. — А ты забавная.

На секунду позволяю себе вообразить, как разбиваю бокал о его переносицу. Интересно, что проще разбить — ножку бокала для мартини или мягкие ткани его лица? Впрочем, время неподходящее. На сцене к микрофону подходит женщина в платье с блестками. На темном экране у нее над головой появляются слова, и она зачитывает названия:

ЛУЧШИЙ МНОГОСЕРИЙНЫЙ ДЕБЮТ

«ТЕАТР АБСУРДА»

«ЧЕМПИОНЫ С МЕСТА СОБЫТИЙ»

«СОЛГИ МНЕ»

«НЕИЗВЕСТНАЯ»

— Тебя как зовут? — спрашивает мужчина.

— Марти, — честно отвечаю я, потому что не могу здесь назвать свой обычный псевдоним, а значит, делать нечего, приходится сказать правду.

По залу разносятся аплодисменты.

— Ну, что я говорил? — спрашивает он.

— Что? — переспрашиваю я.

Он указывает на сцену. На экране тем же самым золотистым шрифтом написано: «“НЕИЗВЕСТНАЯ”, победитель в категории “Лучший многосерийный дебют”».

— Так что мне будет за то, что я угадал?

Похоже, он собой чрезвычайно гордится. Вытаскиваю из бокала оливки и допиваю мартини. Оно обжигает горло. Чисто ради прикола опускаю шпажку с еще мокрыми оливками ему в стакан и слегка помешиваю.

— Какого хрена? — возмущается он, скривившись.

— Поздравляю, — отвечаю я и иду на сцену забрать награду.

Если честно, несмотря на то, что я сказала мистери «Саузен Комфорт» с колой, все действительно началось с мертвой девушки. Неизвестную номер 4568 привезли в офис судмедэксперта округа Кук семнадцатого апреля две тысячи восемнадцатого года. Ее бросили на улице возле «Масонского медицинского центра» во время весенней грозы. Согласно отчету судмедэксперта, в венах у нее было полно героина и моноэтиленгликоля, более известного как антифриз. Ей было лет тридцать-тридцать пять. У нее были удалены миндалины и наблюдалась легкая анемия, скорее всего, из-за того, что она недавно родила. На правом бедре — большая татуировка в виде ящерицы. И у нее были светлые волосы.

Звонок застал меня за обедом с Андреа. Если бы детектив Ричардс еще работал в полиции Чикаго, он, наверное, сам бы со мной связался. Но когда пропала моя сестра, ему уже было за сорок, и в две тысячи семнадцатом он вышел на пенсию. Сменивший его на этом месте детектив — какой-то сопляк, только что получивший повышение после работы под прикрытием в отделе нравов, — видимо, не счел нужным набрать мой номер, хотя бы из вежливости. К счастью, каждые шесть месяцев в течение последних десяти лет я угощала секретаря в приемной судмедэксперта завтраком, так что когда у нее на столе оказалось это дело, она вспомнила Мэгги и связалась со мной.

Все-таки многие детали совпадали. Возраст, волосы, удаленные миндалины. Секретарь даже не знала,

что любимой плюшевой игрушкой Мэгги была синяя игуана, которую отец купил ей в зоопарке Линкольн-парка, когда ей было семь лет. Остальных особенностей с лихвой хватило, чтобы предположить, что неизвестной могла быть Мэгги.

Идея записать все случившееся принадлежала Андреа. Мы с ней раньше работали вместе, она брала у меня интервью для серии подкаста в жанре true crime, который продюсировала несколько лет. Да и дружим мы с колледжа, где она изучала журналистику, а я сначала увлекалась криминологией, потом социологией и, наконец, перешла на отделение английской литературы. Когда у меня зазвонил телефон, мы сидели во французском бистро в Лейквью, поскольку Андреа утверждала, что во время первого триместра беременности ее не тошнит только от круассанов с кучей неподсоленного масла. Должно быть, она почувствовала, что речь идет о Мэгги, когда я встала из-за стола, чтобы ответить на звонок. Должно быть, она все поняла потому, как я стояла на солнце у входа в бистро, прислонившись к побеленной кирпичной стене. Может, я выглядела шокированной. Может, я ухватила рукой за дверь, опасаясь потерять равновесие; может, на стекле остался белый след в форме полумесяца из отпечатков пальцев. Ничего про тот момент не помню. И все же Андреа наверняка все поняла, потому что когда я вернулась, она уже включила диктофон и положила его на стол между нами.

— Что случилось? — спросила она и подняла руку с серебряным кольцом на пальце, чтобы не дать мне поспешно ответить. Журналистка до мозга костей. — Чтоб ты знала, я записываю.

— Ага, — ответила я, чувствуя, как от лица отливает кровь, а в пальцах ощущается нервное покалывание.

Как будто я спала в неудобной позе и только что проснулась. — Ну, видимо, в морге появилась неизвестная.

Я взяла вилку и воткнула ее в несколько тонущих в заправке листиков салата, прежде чем поняла, что никак не смогу поднести их ко рту, прожевать или проглотить. Андреа так поджала губы, что не стало видно ее темной помады.

— Там думают, это Мэгги? — наконец спросила она, переходя прямо к делу.

Это напомнило мне о том, почему мы дружим. Она знала, что я буду огрызаться, если начать со мной сюсюкать. Я всегда злюсь, стоит мне почувствовать, что меня жалеют.

Я перечислила приметы неизвестной. Андреа достаточно хорошо изучила дело Мэгги, чтобы все понять и сделать собственные выводы.

— Значит, в ее деле появилось что-то новое впервые за... сколько? — спросила Андреа.

— Лет за восемь, — ответила я, вспоминая прошлый случай, прошлую «девушку, которая могла бы быть Мэгги». Раньше, когда моя сестра только пропала, такое случалось чаще. Но по прошествии двадцати лет ее уже никто не искал. Никто не знал, что нужно искать. — У нее на бедре татуировка. По словам помощника коронера, синяя ящерица.

Помню, как Андреа быстро поднесла руки к лицу, коснувшись мизинцами рта, а остальные пальцы растопырив на щеках. Она глядела на меня поверх кончиков пальцев, на лбу у нее проступили морщины.

Я знала, о чем она думает. Что у меня тоже есть татуировка синей игуаны — на ребрах справа в дань памяти пропавшей сестры. Что вселенная, разумеется, не могла подстроить столь потрясающее совпадение. Что это наверняка она. Наконец-то, моя сестра.

На следующей неделе мы записали шесть серий нашего будущего подкаста, начиная с нечеткой записи нашего разговора в бистро. Сначала мы собирались предложить их в качестве продолжения той старой серии о деле Мэгги, которую мы записали раньше, но потом, когда оказалось, что многочасового материала хватит больше чем на одну серию, решили выпустить его сами. Мы перебрали все подробности дела моей сестры и выяснили все, что могли, из отчета о вскрытии неизвестной. Я часами торчала на форумах true crime в Сети, обсуждая детали дела и получая советы от других помешанных сыщиков-любителей, полицейских в отставке и скучающих студентов, пытавшихся расследовать нераскрытые преступления. Андреа разыскала санитаря из больницы, обнаружившего труп, и забросала его вопросами, пока он обедал в небольшой пекарне напротив «Масонского медицинского центра». И я говорила, просто говорила, часами, без перерыва. Выдвигала предположения о том, почему Мэгги исчезла так надолго. Что значит, если неизвестная действительно моя сестра. И что значит, если это не так.

После того как подкаст вышел, многие из оставших отзыв говорили, что именно в этих беседах его изюминка. Слушателям нравилось, что это не только история моей сестры, но и моя собственная, искреннее изображение детской травмы, подробный анализ чувства вины выжившего человека. Я говорила о смерти отца, о разбитых отношениях с матерью, о кошмарах, которые не покидали меня. О том, что с тех пор, как я позволяла себе надеяться найти разгадку исчезновения сестры, прошли годы, потому что надежда может обернуться кошмаром, превратиться в свинцовый груз и утащить человека на дно, если он

это допустит. Слушая подкаст после того, как Андреа смонтировала наши разговоры в логичное повествование, я даже не всегда помнила, как говорила что-то из этого. Не могла представить, что захочу выразить словами все то, что бушевало внутри меня. В собственном голосе я слышала, как отчаянно хочу найти ответ. Я цеплялась за все. Значит, я все еще тонула.

Разумеется, я рассказала им далеко не все. Есть вещи, которые я так и не смогла заставить себя признать — о том, что происходит, когда твоя сестра садится в машину с незнакомцем и больше ее никто никогда не видит. Когда пропала сестра, я была совсем ребенком, поэтому еще долго убеждала себя, что, может быть, где-то там, в большом мире, она живет своей жизнью. Вместо того чтобы представлять себе все, что могло с ней случиться, как это делали другие, я рисовала в своем воображении возможные варианты ее жизни. В восемь лет я думала, что она, наверное, сбежала в Голливуд и стала кинозвездой. Я ездила на велике в наш крошечный городской видеомагазин и искала на обложках видеокассет лицо сестры. Или, к примеру, ее похитили пришельцы. А может, у нее амнезия, или она скрывается по программе защиты свидетелей, или же у нее тайный роман, нехороший бойфренд. Возлюбленный-вампир. Религиозная секта. Сова, бросающая нам в камин приглашения в какое-нибудь волшебное место. Я перебирала все возможные причины, по которым девушка может исчезнуть, не попрощавшись с сестрой. Не передать весточку родным. Не попытаться дать им знать, что где-то там, в другом месте, с ней все в порядке.

Вслух я бы ни за что не призналась, что двадцать лет спустя все еще позволяю себе верить в нечто подобное. Оберегаю себя от более мрачных вероятно-